

двигнутого сооружения. Если следовать логике расшифровки этого сатирического четверостишия, то придется признать, что через 18 лет кто-то из противников Свистунова вспомнил эпиграмму и, взяв ее за образец, сочинил свою, очень близкую по содержанию:

ЭПИГРАММА. ЗНАНИЕ ОДНОГО БАРОНА

Я в заблуждении своем давно считал,
Что будто бы Барон сей ничего не знал.
Но наконец его открылося искусство:
Нашел я, что Барон свистит весьма не гнусно.²²

Можно было бы, весьма вероятно, найти подходящую кандидатуру второго автора и даже нарисовать живописную картину чего-то вроде отголосков литературной полемики 1769 г. в радикальной журналистике конца 1780 г. Трудно было бы, правда, сколь-либо удовлетворительно объяснить, почему Свистунов назван бароном, если в действительности он этого титула не имел. Тем не менее все приобрело бы, может быть, вполне убедительную видимость; но подлинная разгадка совпадения четверостиший, отделенных одно от другого почти двумя десятилетиями, совершенно иная. Оба они представляют самостоятельный перевод эпиграммы французского поэта Жана-Ожье де Гомбо (Gombaud, ок. 1570—1666), которую передают точно, особенно более позднее:

SCIENCE D'UN CERTAIN BARON

J'ai crû longtemps en conscience,
Que ce Baron ne savoit rien;
Mais j'en découvre la science,
Et je trouve qu'il siffle bien.²³

Пока, к сожалению, не установлен окончательно источник, по которому был выполнен перевод, напечатанный в «Смеси».²⁴ Однако и без этих данных становится очевидным, что отождествление Стозмея со Свистуновым на основании лишь глагола «свистеть» неправомерно, поскольку переводчик не ввел его от себя

²² Лекарство от скуки и забот. 1787. Ч. 2, № 44, 28 апр. С. 143.

²³ Gombaud J.-O. Les epigrammes. Paris, 1657. P. 24 (N 33).

²⁴ Эта популярная эпиграмма была напечатана анонимно в хрестоматии Шюффена (Amus. T. 2. P. 275). Однако, если первый том и был в распоряжении издателя «Смеси», из этого еще не следует, что именно из этой антологии была переведена эпиграмма. Например, экземпляр мог быть некомплектным и второй том, где она содержится, отсутствовать. Но и при наличии второго тома переводчик мог иметь ее текст в какой-нибудь другой книге, которой и пользовался. Установление конкретного источника эпиграммы имеет отнюдь не отвлеченный и не праздный интерес, но необходимо, в частности, для того, чтобы выяснить, является ли переводной или оригинальной другая эпиграмма против Стозмея, предшествующая в «Смеси» разбираемой.